

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

НАУЧНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Введеніе въ Византійскую исторію.

(Ветупительная лекція III. Диль, читанная въ Сорбоннѣ 7 декабря 1899 года).

Переводъ съ француз. студ. Г. Васькова.

I.

Существуютъ слова, за которыми установилась дурная репутація—числу словъ этой категоріи принадлежитъ и слово „византійскій“. Выраженіемъ „византійскіе разговоры“, какъ стереотипной фразой, журналистъ называетъ продолжительные и бесполезные дебаты въ парламентѣ; названіемъ „византійской церемоніи“ онъ осмѣиваетъ пышные и напыщенные выраженія какого-либо протокола. Даже въ нашихъ умахъ слово „византизмъ“ вызываетъ какое-то непріятное представленіе о запутанныхъ, скучныхъ спорахъ, безконечныхъ препирательствахъ по поводу какого-либо наклоненія или запятой; нѣтъ надобности говорить о томъ представленіи, какое соединяется съ выраженіемъ „византійскіе нравы“.

Для большинства представленіе о Византіи неразрывно связано картиной цѣлаго народа крючковыхъ богослововъ, „болтливыхъ проповѣдниковъ“, какъ говоритъ Тэнъ, отшлифованныхъ и изукрашенныхъ пышнымъ церемоніаломъ, забывающихъ за пустою болтовнею и безсмысленными формулами наиболѣе насущныя потребности національной жизни.

Благодаря совершенно безсознательному, но прочно укоренившемуся ожесточенію мірянина по поводу теперь уже улегшихся страстей, возбужденныхъ богословскими спорами, мы все еще судимъ о Византіи съ точки зрѣнія крестоносцевъ, которые ея не понимали и съ точки зрѣнія папъ, отлучившихъ ее. Со времени Вольтера и Монтескье стало общимъ мѣстомъ у историковъ представлять Восточную Греческую исторію выродившимся жалкимъ наслѣдникомъ Римской имперіи. Об-

щимъ мѣстомъ стало, равнымъ образомъ, въ области краснорѣчивости на примѣрѣ византійцевъ временъ упадка, которые ожесточились изъ-за пустяковъ въ то время, когда Магометъ II стоялъ у воротъ Константинополя.

Такимъ образомъ, прибѣгая къ избитому анекдоту или эпигрѣ, пускаютъ на смарку 10 столѣтій исторіи, въ которой часты славные моменты и которая всегда интересна; исключаютъ области изученія 10 вѣковъ цивилизаціи, которая, пожалуй, была болѣе блестящей и утонченной цивилизаціей, какую знаютъ среднѣвѣковья.

Внѣ всякаго сомнѣнія, что у Византіи были свои недостатки роки, которыми и объясняется ея дурная слава; отрицать эти недостатки было бы ребячествомъ. Въ исторіи Византіи были и дворцовыя интриги, и государственные перевороты, и солдатскіе бунты и въ отношеніи она имѣетъ громадное сходство съ Римомъ временъ упадка. Она страстно любила игры въ циркѣ, ни чуть не отличаясь въ этомъ отношеніи отъ императорскаго Рима, и даже, пожалуй, превосходила въ этомъ своего великаго предшественника, пресытившагося уже опасными зрѣлищами. Не смотря на всю утонченность своей культуры она обладала, подчасъ, жестокими, варварскими нравами и въ этомъ отношеніи истиннымъ дѣтищемъ Среднихъ вѣковъ, она не леко превосходила въ жестокости громадное большинство современныхъ и смежныхъ съ нею народовъ; наконецъ, она порождала низкіе дѣла, лакейскіе характеры и въ этомъ имѣетъ сходство, пожалуй, со средними временами. Внѣ всякаго сомнѣнія—и это не малый упрекъ—она не могла любить богословскіе споры и, благодаря имъ, равнымъ образомъ пренебрегала интересами и государства и церкви. Хотя трудно сказать, не впадаемъ ли мы здѣсь въ ошибку, благодаря неполнотѣ нашихъ данныхъ.

Какое бы широкое значеніе ни отвели мы свойственной византійской страсти къ разнымъ утонченнымъ разсужденіямъ, все-таки мы не можемъ не удивляться тому, какъ это государственные люди, и государственные мыслители, возбуждаются изъ-за суетной страсти къ догматизму, къ непримиримымъ разногласіямъ и глубокія смуты въ Имперіи. Но въ то же время, что формулы, служащія лозунгомъ партій, какъ извѣстно, въ краткихъ формахъ скрываютъ всевозможныя притязанія и планы, такъ и въ византійскомъ образѣ подъ богословскими выраженіями византійцевъ скрываются идеи, программы, политическая оппозиція; такимъ образомъ, византійскіе интересы государства, а совсѣмъ не страсть къ нововведеніямъ, въ области вѣры чаще всего опредѣляли въ этой области поведение императоровъ. Къ тому же, въ этой „всемирной“ монархіи, гдѣ императоръ былъ единственнымъ средствомъ соединенія частей въ единство.

где православіе, какъ это было правильно замѣчено, замѣняло національность, едва-ли удивительно преобладаніе вопросовъ религіозныхъ надъ чисто политическими. Едва-ли поэтому мы имѣемъ признавать споры по религіознымъ вопросамъ пустыми только потому, что мы ихъ не понимаемъ. Наконецъ, предположимъ—я отрицаю это самымъ рѣшительнымъ образомъ—, что всѣ эти недостатки и слабости византійцевъ составляютъ ихъ неотъемлемое свойство и при этомъ обладаютъ именно тѣми размѣрами, какіе мы приписываемъ имъ благодаря несовершенству нашего знанія Византійской исторіи. Но имѣемъ ли мы право и при этихъ условіяхъ сказать, что во все продолжительное существованіе народа онъ оставался все однимъ и тѣмъ же? Можемъ ли мы однимъ общимъ приговоромъ осудить съ византійцами XIV и XV вѣка, которые были, хотя и не въ той мѣрѣ, какъ мы утверждаемъ, слабы и несчастны, и ихъ великихъ предшественниковъ VI, X или XII столѣтій, современниковъ Юстиніана, Василия, Григоріевъ?

Въ теченіе долгаго времени византійское искусство опредѣляли, тусклое, монотонное; было бы громадной ошибкой тѣми же критеріями опредѣлять и византійскую исторію и одинаково презрительно относиться къ византійцамъ всѣхъ временъ. Наши представленія о Византіи, безразлично о какомъ времени, какомъ столѣтіи ея исторіи ни идетъ дѣло, какъ о Византіи, вѣчно находящейся въ упадкѣ, страстной и набожной, кровожадной и робкой, бездѣтельной и жестокой, неизмѣнно характеризуемой убійствами императоровъ, нападками бунтами, скачками въ Гипподромѣ—граничить уже съ безсмысленностью.

Но существуетъ иная Византія, болѣе истинная, болѣе интересная и живая, богатая великими зрѣлищами и славными лицами, полная энергии, способная на усиліе, съ изысканными удовольствіями, съ высокохудожественной и умственной культурою. Эту Византію нѣтъ возможности ни изобразить, ни охарактеризовать въ одной формулѣ, потому что она жила долгіе вѣка и, какъ всякій живой организмъ, неизмѣнялась съ лѣтами. Въ то же время ее нельзя оцѣнивать, приравнивать къ ней мѣрку нашихъ современныхъ представленій или сравнивать ее съ Римомъ и Греціей, потому что она была, какъ это уже замѣчено, „средневѣковымъ государствомъ на крайней границѣ Европы, стоявшимъ грудъ съ грудью съ азіатскимъ варварствомъ“¹⁾.

Но это государство, каково бы оно ни было, было велико.

¹⁾ A. Rambaud, L'Empire grec au X-e siècle, p. VII.

II.

Вглядитесь въ эту десятивѣковую исторію, въ продолженіе которой имперія, не сдаваясь, выдерживала натискъ всевозможнаго восточнаго варварства. Готы, гунны, авары, славяне, персы, арабы, болгары, венгры, норманны волна за волною обрушивались на византійскія границы—и всѣ они разбились о стѣны города „хранимаго Богомъ“. Совершенно сомнѣнно, что на ряду съ моментами славы стоять и долгіе периоды упадка. Не разъ, стѣсненная со всѣхъ сторонъ, утративъ провинціи, Византійская Имперія ограничивалась зубчатой оградой столицы и въ ней не менѣе у нея находились силы, неожиданные запасы жизненности и энергіи. Подъ водительствомъ Юстиніана имперія не безъ гордости возвратила себѣ древнее наслѣдіе Рима и вновь обратила почти все Средиземное море въ римское озеро. Со своими императорами, которыхъ клеймятъ прозвищемъ „иконоборцевъ“, она отбросила востокъ волну ислама какъ разъ около того времени, когда Бискупъ Мартеллъ спасъ христіанство и культуру при Пуатье. Съ великими владыками Македонской династіи имперія сдержала на горахъ Тавра напоръ арабовъ и ея побѣдоносныя войска достигли Сиріи; въ то же время она отбросила русскихъ отъ Дуная, стѣснила печенѣговъ и хазаръ и въ морѣ крови потопила могущественное Болгарское царство.

Время Комниновъ было порою не безславной борьбы съ восточными и западными варварами. Лишь на короткое мгновеніе въ бурный періодъ 4-го Крестоваго похода слава имперіи, казалось, померкла; сама она погибла; не на долго Фландрскій графъ возсѣлъ на престолѣ Порфирородныхъ: въ Никеѣ, Трапезундѣ, Эпирѣ возродилась греческая національность и не болѣе, какъ черезъ 60 лѣтъ послѣ катастрофы 1204 г., Михаилъ Палеологъ возвратился владыкою города Константинополя. Правда, насталъ день паденія истощенной имперіи подъ ударомъ фатальнаго рока, но до этой послѣдней катастрофы, въ которой повинно въ разгромъ, если не болѣе, чѣмъ сама Византія, безразличное, равнодушное, не враждебное настроеніе латинскаго Запада, сколько было въ жизни этого народа неожиданныхъ и блестящихъ возрожденій! Сколько разъ, какъ говоритъ одинъ лѣтописецъ, „старуха имперія возрождалась въ образѣ молодой дѣвушки, въ уборѣ изъ золота и драгоценныхъ камней!“ Византійская Имперія жила и это не малая заслуга и не легко не простое слѣдствіе счастливой случайности. Благодаря своей военной доблести она не разъ спасала Европу, и, несомнѣнно, въ ней было нѣчто кромѣ ея пороковъ, разъ она среди такихъ опасностей пережила болѣе, чѣмъ на 1000 лѣтъ Западную Римскую Имперію.

Такова, въ самыхъ общихъ чертахъ, схема византійской исторіи; —нѣсколько словъ о ея любопытныхъ чертахъ.

Существуетъ весьма интересная книга, относящаяся къ X вѣку, въ которой одинъ изъ византійскихъ императоровъ не побрезговалъ самъ описать великолѣпіе и торжественную обстановку официальной византійской жизни; это—извѣстная книга *De cerimoniis*. Стоитъ ее раскрыть и на любой страницѣ вы встрѣтите картины, которыя кажутся взятыми изъ „Тысячи и одной ночи“. Вы увидите великолѣпныя процессіи, торжественные приѣмы, причудливыя и пышныя празднества; лицахъ столицы, подъ сводами св. Софіи, въ залахъ императорскаго дворца непрерывно развертываются необычайно роскошныя, пестрыя картины. Въ галлереяхъ и покояхъ дворца, затинутыхъ парчею, шелками тканями и коврами, съ мраморными полами, покрытыми восточными коврами или усыпанными розами, въ іерархическомъ порядкѣ располагаются тѣлохранители въ серебряныхъ доспѣхахъ съ золочеными щитами, варяжскіе богатыри съ громадной сѣкирой у плеча, дворцовые музыканты и придворные сановники въ доспѣхахъ, сверкающихъ позолотой, въ расшитыхъ туникахъ, въ пурпуровыхъ и золототканыхъ хитонахъ. Въ большомъ триклиніи Магнавры, гдѣ глаза разбѣгаются взглядѣ на императорскія сокровища, гдѣ старинныя чудеса ювелирнаго искусства, діадемы, сверкающія эмалью и драгоценными камнями, гдѣ тяжелые далматики, затканные причудливыми узорами, напеваютъ о длинныхъ вѣкахъ блеска и славы имперіи, возвышается въ углубленіи абсиды золотой императорскій тронъ. У его подножія на тронѣ лежатъ два золотыхъ льва, сзади нихъ золотое дерево раскидываетъ свои вѣтви, а на нихъ сидятъ разукрашенные эмалью золотыя птицы; тутъ же высшіе сановники держатъ императорскія инсигнії и государственное знамя. Когда василевсъ выходитъ, привѣтствуемый восточнымъ возгласомъ подъ звуки гимновъ, исполняемыхъ подъ аккомпанементъ золотого органа пѣвчими храма св. Софіи или свв. Апостоловъ, когда онъ передъ склонившимся дворомъ занимаетъ мѣсто на тронѣ, ослѣпляя взоры сверканіемъ драгоценныхъ камней и золотыхъ украшеній, почти скрывающихъ его лицо, то при величественности осанки кажется скорѣе живымъ воплощеніемъ божества, скорѣе святымъ ображеніемъ, чѣмъ человѣкомъ.

Чтобы еще болѣе возвысить это необычайное величіе, а въ особенности для того, чтобы поразить удивленіемъ варварскихъ пословъ, прибывшихъ въ Византію, или иностранныхъ государей, въ дополненіе этой роскоши придумали еще иное средство: на помощь призвали маговъ и создали настоящую феерію. Въ ту минуту, когда послан-

никъ вступалъ въ залъ, птицы, сидѣвшія на золотомъ деревѣ, начинали порхать и пѣть, лежавшіе львы вставали и поднимали ревъ въ то время какъ звуки органа все росли и ширились. Когда посланникъ распростирался ницъ, воздавая василевсу обязательное по этикету „поклоненіе“ (adoratio), императоръ со своимъ трономъ отдѣлялся отъ земли: онъ поднимался все выше и передъ глазами поднявшагося варваръ окаменѣвшаго отъ изумленія, онъ являлся уже какъ бы въ апоэозѣ на воздухѣ и былъ облаченъ уже въ новыя одежды.

Такого рода описанія можно было бы продолжать безъ конца. Я могъ бы изобразить вамъ триумфальныя шествія, въ которыхъ императоръ проходилъ по столицѣ, осыпaeмый цвѣтами, подъ звуки побѣдныхъ гимновъ при иллюминаціи и серенадахъ разныхъ партій; я могъ бы описать вамъ церемоніи, происходившія въ Гипподромѣ, когда василевсъ попиралъ ногою, обутою въ пурпуръ, головы склонившихся передъ нимъ побѣжденныхъ царей, при кликахъ населенія, которые черезъ Босфоръ до береговъ Азіи доносили звуки безумной народной радости. Я могъ бы вамъ рассказать о волшебныхъ празднествахъ, во время которыхъ стремленія къ оригинальному и колоссальному, опускали съ потолка императорскій столъ гигантскія золотыя блюда, поднимать которыя въ пору и 10 человѣкамъ. Я могъ бы нарисовать вамъ картины торжественныхъ богослуженій въ св. Софіи, залитой блескомъ каменьею и безчисленными огнями свѣчей или изобразить весь блескъ пышныхъ крестныхъ ходовъ, развертывавшихся подъ ея золотымъ куполомъ. Я могъ бы вамъ, наконецъ, описать лагерную жизнь византійцевъ, картину суровой, дѣятельной, полной неожиданностей и героической жизни варяговъ, охранявшихъ границу, или же познакомить васъ съ анекдотами изъ военнаго быта, которые дошли до насъ въ недавно открытой вѣнцкой книжкѣ XI в., но у насъ не много времени и я спѣшу перейти къ людямъ, оживлявшимъ эту несравненную обстановку, къ сценамъ нерѣдко увлекательнымъ и драматическимъ, которыя въ ней разыгрывались. И здѣсь, среди лицъ, которыя могутъ возбудить интересъ и привлечь любопытство или удивленіе, сдѣлать выборъ очень затруднительно.

Въ ближайшихъ лекціяхъ я попытаюсь набросать предъ вами изображеніе Юстиніана и Θεодоры, полководцевъ и администраторовъ, прославившихъ ихъ царствованіе. Для того, чтобы отмѣтить предъ вами тотъ міръ контрастовъ, сочетанія высокихъ качествъ и безсилія душъ византіяца, я возьму примѣръ изъ другого періода исторіи. Я остановлюсь на Никифорѣ Фока, съ такимъ искусствомъ изображеннымъ Шлюмберже. Онъ былъ превосходнымъ солдатомъ, несравненнымъ

ещемъ; прежде чѣмъ достигнуть трона, онъ всю свою жизнь про-
вѣлъ въ лагерѣ; больше всего онъ любилъ военное дѣло, могъ пере-
нести всевозможныя трудности и не боялся опасности; одинаково су-
ществовалъ къ себѣ и солдатамъ, онъ былъ обожаемъ войсками, которыя
его грубое мужественное краснорѣчіе воспламеняло, а его поразитель-
ная храбрость увлекала къ пренебреженію какой угодно опасностью.
Подъ этой холодной и спокойной внѣшностью солдата, подъ его
суровою и мрачною наружностью скрывалась глубоко страстная душа.
Въ это время его глубокая набожность, подкрѣпляемая затаенной печалью,
приводила его къ мистицизму. Какъ многіе его современники, онъ меч-
талъ покинуть міръ для того, чтобы въ пустынномъ уединеніи обители
искать забвенія и мира. Эти неосуществленные желанія на долго оста-
лись въ немъ привычки аскета—онъ любилъ общество иноковъ, изну-
жалъ себя постами, спалъ на твердомъ, во власяницѣ, оставленной ему
дядею, инокомъ, почившимъ со славою святого.

Позже въ его неустойчивой и смущенной душѣ зародилась другая
страсть, не менѣе захватывающая и жгучая; она устранила благоче-
стныя грезы. Никифоръ Фока влюбился до безумія во вдову импера-
тора Романа II—въ восхитительную, но измѣнчивую Теофано, которую
временный лѣтописецъ называетъ „самой прекрасной, обольстительной
и тонченной женщиной его времени“. Ему было 50 лѣтъ; онъ былъ
суровый, загорѣлый, съ сѣдѣющей бородой, небольшого роста, почти
слѣпой—и тѣмъ не менѣе онъ не поколебался. Едва занявъ тронъ
императора благодаря перевороту, Никифоръ женился на Теофано. Отъ
этого шага его не удержали ни совѣты и огорченіе его возлюбленныхъ
друзей, ни жестокое сопротивленіе Константинопольскаго патріарха,
запрещавшаго его во имя преданій святой церкви; не смотря на увѣ-
щанія смѣлаго пастыря въ храмѣ св. Софіи въ присутствіи массы на-
рода, не смотря на свои лѣта, не смотря на все свое благоразуміе, не
смотря ни на что Никифоръ уступилъ своей страсти. Послѣ мы уви-
димъ послѣдствіе этого неподходящаго союза; здѣсь мы только отмѣ-
тимъ, что этотъ суровый полководецъ, сдѣлавшись владыкою имперіи,
умѣлъ показать себя достойнымъ высокой миссіи императора. Воинъ
показалъ себя самымъ тонкимъ, хитрымъ, иной разъ даже коварнымъ
дипломатомъ; страстный любовникъ, ни передъ чѣмъ не останавливав-
шійся, чтобы исполнить капризы Теофано, умѣлъ копить государствен-
ныя гроши съ такимъ искусствомъ, что удостоился обвиненія въ скряжни-
чествѣ; и, главное, онъ нашелъ въ себѣ силы оторваться отъ соблаз-
нительной нѣги дворца, чтобы возобновить Сирійскимъ походомъ вѣч-
ную борьбу противъ невѣрныхъ. Несомнѣнно, онъ былъ, какъ прави-

тель, суровъ, непреклоненъ, иногда неумолимъ; несомнѣнно также, былъ до несправедливости пристрастенъ къ своимъ солдатамъ, которые въ сущности, онъ любилъ всего болѣе; и тѣмъ не менѣе, онъ былъ великимъ и славнымъ императоромъ и въ его сложной душѣ—энергичной и набожной, мистической и влюбленной, коварной и страстной—мы замѣчаемъ какъ бы еп гассонсгі причудливое соединеніе доблести и пороковъ, которое создавалось въ высшемъ византійскомъ обществѣ воспитаніемъ, сливавшимъ идеалы инока и воина.

Я могъ бы изобразить вамъ еще не мало другихъ лицъ изъ этого забытаго міра, показать вамъ великихъ императоровъ или государственныхъ людей, полководцевъ и дипломатовъ, славныхъ ученыхъ и извѣстныхъ придворныхъ, литераторовъ и церковниковъ, величественныхъ феодальныхъ бароновъ и министровъ-централизаторовъ. Я могъ бы изобразить людей съ великой и благородной душой—въ родѣ Никиты или Евстафія, или же людей съ мелкой грязной душой—въ родѣ Пселлы—типичнаго византійскаго придворнаго, который, не смотря на свою нравственную низость, обладалъ дарованіями новатора и притомъ наиболѣе выдающагося по уму въ свое время. Послѣдніе 20 лѣтъ день за днемъ приносятъ намъ новыя открытія, даютъ намъ возможность лучше знать этихъ людей и не только благодаря рассказамъ объ ихъ поступкахъ, но благодаря ихъ письмамъ, мемуарамъ, автобіографіямъ, въ которыхъ они даютъ намъ ключъ къ разгадкѣ ихъ характеровъ, ихъ души. При свѣтѣ этихъ данныхъ не представилось бы затрудненія показать вамъ все причудливое разнообразіе ихъ характеровъ, ихъ симпатичныхъ чертъ, могучей и смѣлой оригинальности. Еще болѣе любопытно было бы, пожалуй, набросать нѣсколько женскихъ портретовъ изъ области этой исторіи, представить, въ качествѣ историка, галерею государынь. И это не было бы рядъ блѣдныхъ восточныхъ безличныхъ призраковъ въ родѣ тѣхъ, какія наполняютъ современный Стамбуль. Онѣ обладали яркой, рельефно вырисовывающейся индивидуальностью. Здѣсь мы встрѣтимъ, пользуясь выраженіемъ одного изъ наиболѣе видныхъ историковъ Византіи Рамбо, „всевозможные типы женщинъ: женщинъ-политиковъ, въ родѣ Ирины Аѳинянки, писательницъ, Евдокію или Анну Комненъ, свѣтскихъ львицъ, въ родѣ Зои Багрянородной, и рядъ женщинъ набожныхъ, преданныхъ чистымъ горнымъ помысламъ о небесномъ, какъ сестра Зои—Теодора, и дамъ, увлеченныхъ помыслами о новыхъ благовоніяхъ, мелочами туалета, изобрѣтеніемъ новыхъ модъ платья и прически, отъ которыхъ сходила съ ума вся дамская Византія. Были среди нихъ такія, о которыхъ никто не говорилъ ни слова, и такія, о которыхъ только и говорили; однѣ были недоступны ни для

го, кромѣ подвижниковъ, иноковъ и ревностныхъ пастырей; другія были ловкихъ кавалеровъ и свѣтскихъ собесѣдниковъ. Были и такія, въ окна которыхъ отъ времени до времени грузно падало зашитое мѣшокъ человѣческое тѣло и исчезало въ безмолвныхъ водахъ Босфора ¹⁾.

Многія изъ очаровательныхъ повелительницъ могли-бы, вступая на тронъ, похвалиться осуществленіемъ прекрасной мечты. Точно въ сказкахъ, въ которыхъ короли женятся на пастушкахъ, Византійскіе императоры заключали, нерѣдко, вполне неравные браки. Въ встрѣчѣ съ Юстиніаномъ Теодора была танцовщицей, а если вѣрить летописцу, то и чѣмъ то гораздо худшимъ, но она была красива и обладала тонкимъ умомъ; она умѣла не только понравиться, но и сумѣла заставить жениться на ней; болѣе того, вступивъ на тронъ, она оказалась женщиной съ головой и, какъ бы ни клеймили ея имя, она была достойна, въ общемъ, своей чудесной судьбы. Теофано, о которой мы только что говорили, происходила далеко не изъ благородной семьи: взирая на благородныхъ предковъ, которыхъ у нея послѣ отыскивали, она была дочерью мелкаго Константинопольскаго трактирщика, но за то она была на зависть хороша, честолюбива и знала жизнь. Она кружила голову наслѣднику престола, сумѣла заставить жениться на себѣ и благодаря своему уму деспотично правила дворцомъ и имперіей. Когда вслѣдствіе преждевременной смерти Романа II она осталась совсѣмъ молодой вдовой, она сумѣла среди сложныхъ и измѣнчивыхъ отношеній двора обезпечить себѣ превосходное положеніе. Несмотря на четырехъ дѣтей отъ перваго брака, она была красивѣе, чѣмъ когда либо; она прекрасно знала, какую пылкую страсть возбуждала въ Никифорѣ Фокѣ. Была ли она сама захвачена этою страстью, трудно сказать; во всякомъ случаѣ, ей не трудно было довести этого влюбленнаго солдата до рѣшимости овладѣть сначала властью, а потомъ раздѣлить ее съ нею. Затѣмъ ей прискучилъ Никифоръ, какъ, говорятъ, прискучилъ и Романъ II. Она влюбилась—и это единственная серьезная любовь въ ея жизни—въ болѣе изящнаго и молодого героя. Но здѣсь романъ смѣняется драмой—выступаетъ убійство. Въ декабрьскую бурную, темную ночь, въ мятель, Теофано сама вводитъ заговорщиковъ во дворецъ и скрываетъ на женской половинѣ; она сама старается усыпить подозрѣніе мужа и, оставивъ открытой дверь комнаты, сама же даетъ знакъ убійцамъ. Я опушу, по недостатку времени, глупое трагическое повѣствованіе объ этомъ преступленіи. Я прибавлю

¹⁾ A. Rambaud, *Imperatrices d'Orient* (Revue des deux mondes, 1891; 1, p. 338).

къ этому только, что Теофано потерпѣла ужасное пораженіе и въ столѣбѣ и въ любви. Сдѣлавшись императоромъ, Іоаннъ Цимисхъ не подумалъ ни о признательности, ни о вѣрности своей возлюбленной — онъ отправилъ ее въ печальное изгнаніе, гдѣ этой обольстительной повелительницѣ, влияніе которой было столь роковымъ для трехъ императоровъ, оставалось только умереть.

Это, если можно такъ выразиться, — узоръ исторіи; ея основныя черты менѣе замѣчательны. Имѣйте въ виду, что Византійская имперія — слѣдница имперіи цезарей, что она получила и нерушимо сохранила всю полноту римскихъ традицій, пришедшихъ въ забвеніе и уничтоженныхъ нашествіемъ варваровъ. Имѣйте въ виду — и это одно изъ наиболее замѣчательныхъ явленій исторіи —, что изъ всѣхъ государствъ Европы только здѣсь совершилась безъ внезапныхъ потрясеній, безъ медленныхъ и нечувствительныхъ измѣненій та эволюція, которая привела отъ античнаго міра къ средневѣковымъ націямъ. Обратите вниманіе на то, что Византія поставила и попыталась разрѣшить нѣкоторые наиболее существенные вопросы въ жизни народовъ, напимѣръ, вопросы объ отношеніи государства и церкви, центральной власти къ мѣстнымъ центробѣжнымъ силамъ, вопросъ о феодализмѣ, социальные вопросы, касающіеся правъ имущественныхъ и личныхъ; что она сохранила превосходную администрацію и финансовую систему; что она своимъ гражданскимъ и поземельнымъ законодательствомъ впервые установила принципы, которые получили преобладаніе на западѣ лишь гораздо позже. Не забывайте и того также, что въ стѣнахъ своей столицы она благоговѣнно поддерживала свѣточъ цивилизаціи. Въ то время, когда большіе города Европы въ громадномъ большинствѣ были еще болѣе, какъ незначительными, скучными деревнями, Византія была перницей изящества. На ея рынкѣ, настоящемъ центрѣ цивилизованнаго міра, сосредоточивались и входили въ обмѣнъ произведенія всей европейской. Изъ рукъ византійскихъ художниковъ выходило все, что тогда знали средніе вѣка самаго изящнаго въ области произведеній утонченной роскоши: шелковыя матеріи, пурпурныя ткани, украшенныя серебромъ, сверкающая золотомъ парча, драгоценныя бездѣлушки, украшенныя камнями и жемчугомъ, ларцы изъ слоновой кости съ тонкой скульптурой, рукописи съ превосходными миньтюрами, раки, покрытыя эмалью и золотомъ. На улицахъ, вѣчно наполненныхъ говорливой и шумной толпой, на площадяхъ, обрамленныхъ портиками и двориками, видѣлись цѣлые ряды шедевровъ античной скульптуры, вывезенныя изъ Рима или Греціи. Въ храмахъ, поражающихъ своими куполами среди изобилія порфира и мрамора, какъ золото сверкали мозаики.

Императорскомъ дворцѣ, по пространству равномъ цѣлому городу, длин-
ный рядъ покоевъ поражалъ невиданной роскошью. Для того, чтобы
привлечь градъ Константина, Византійское искусство проявило силу своего
искусства и создало новое сочетаніе изъ элементовъ восточной архи-
тектуры, античнаго искусства и христіанскаго орнамента; для того,
чтобы сохранить любовь къ просвѣщенію, около профессоровъ Констан-
тинупольскаго Университета и въ безчисленныхъ монастыряхъ столицы
собрались тысячи ученыхъ, литераторовъ и переписчиковъ. Такимъ же
образомъ и по отношенію ко всему свѣту Византіи была великой на-
ставницею: благодаря ей варварскіе народы Запада получили предста-
вленіе о болѣе утонченной, высокой жизни; ей обязаны славянскій
Востокъ своимъ рожденіемъ къ исторической жизни; даже арабы, не
смотря на всѣ свои выдающіяся способности, не мало обязаны Визан-
тійскому блескомъ Багдада и Кордовы. Не забудьте, что во всѣ средніе
вѣка міръ мечталъ о Константинополѣ, какъ о какомъ то волшебномъ
городѣ, озаренномъ сіяніемъ золота. О немъ мечтали среди холодныхъ
тучановъ Норвегіи и на русскихъ рѣкахъ, по которымъ сѣверные
путь спускались къ несравненному Царьграду, и въ замкахъ За-
пада, гдѣ труверы повѣствовали о чудесахъ императорскаго дворца, о
бронзовыхъ мальчикахъ, играющихъ на трубѣ, о вращающейся залѣ,
которую приводить въ движеніе морской приборъ, или о блестящихъ
карбункулахъ, освѣщающихъ ночью императорскіе покои; о ней меч-
тали и въ Венеціанскихъ банкахъ, высчитывая, что отъ одной своей
столицы императоры ежегодно получали 8300000 червонцевъ дохода,
что составляетъ на теперешній счетъ 550000000 франковъ. И когда,
въ результатъ всѣхъ этихъ причудливыхъ мечтаній и распаленной алч-
ности, образовался четвертый крестовый походъ, то пожалуй, дѣйстви-
тельность превзошла самыя фантастическія мечты. „Итакъ, вы ви-
дите, говоритъ Вильгардуинъ, что Константинополь созерцали многіе,
никогда ранѣе не видавшіе его. Они не могли повѣрить, чтобы гдѣ-
либо въ этомъ мірѣ могъ существовать столь богатый городъ до тѣхъ
поръ, пока не увидѣли его прекрасныхъ стѣнъ и башенъ, которыми
онъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ, пока не увидали роскошныхъ
дворцовъ и столь многочисленныхъ храмовъ, что только созерцая ихъ
своими глазами, можно повѣрить ихъ числу, равно какъ длину и ши-
рину города, царицы всѣхъ другихъ“. Наконецъ, если принять во вни-
маніе, что Константинополь дѣйствительно, какъ это и говорили, былъ
„средневѣковымъ Парижемъ“, то отсюда мы увидимъ, какъ несправед-
ливо забывать или презирать цивилизацію, которая создала такіа чу-
деса роскоши и искусства, изящества и блеска.

III.

Я указалъ вамъ нѣсколько моментовъ изъ забытой Византійской исторіи, но Византія имѣетъ значеніе не только благодаря тому, что была она въ прошедшемъ, сколько благодаря тому, что угото-
для будущаго.

Говоря, что Византійцы были „библіотекарями чело-
рода“, думаютъ, обыкновенно, будто этимъ заявленіемъ
имъ весьма большую честь. Въ всякаго сомнѣнія, что благо-
храня преданія и сокровища классической древности, они
наставниками эпохи возрожденія; несомнѣнно также, что
новой Европѣ Юстиніановскія компіляціи, они заложили здѣсь
писаннаго права. Заслуги эти имѣютъ весьма существенное
но онѣ не стоятъ одиноко. Какъ справедливо замѣчаетъ Рахба,
зантія была для Востока и славянскаго Запада тѣмъ же, чѣмъ
западнаго и германскаго міра былъ Римъ“. Благодаря ей и ея
родились къ исторической жизни народы, населяющіе теперь
юго-востокъ Европы. Она своими могучими руками сокрушила
племена славянъ, болгаръ, валаховъ, мадьяръ, печенѣговъ,
извлекла на свѣтъ Божій Сербію и Болгарію, Кroatію и Черн-
Румынію, Венгрію и современную Россію. Византія снабдила эти
бытныя и варварскіе народы всѣми элементами существованія
будущаго величія: религіей, формами управленія, искусствомъ,
турию, промышленностью, торговлею, однимъ словомъ, всѣми
цивилизаци. Византійскіе проповѣдники, благодаря своей неу-
и искусной проповѣди, распространили православіе на всехъ
странствѣхъ отъ глубины Арменіи до дебрей Россіи и отъ горъ
ніи до Кавказскаго хребта; они же изобрѣли кириллицу и,
переводу св. Писанія на языкъ новообращенныхъ народовъ,
истинными творцами славянской литературы. Изъ сношенія съ
тій великіе Русскіе князья усвоили идею государства и озна-
съ лучшими формами администраціи. Подъ вліяніемъ визан-
законодательства обновилось древнее славянское право и изъ
тійской школы русское общество вынесло свое умственное и
ное воспитаніе. Византійскія хроники, распространенныя по
ванскому міру, впервые занесли понятіе исторіи въ среду этихъ
народовъ; народныя византійскія сказки ласкали ихъ вообра-
византійскіе памятники служили образцомъ въ ихъ первыхъ
художественнаго творчества; и теперь еще отъ монастырей
куполовъ св. Софіи въ Кіевѣ—вездѣ найдемъ эмали, мозаики и

воспоминаніе былой славы и вліянія Византіи. Даже тогда, когда Византія пала, ея вліяніе неизгладимымъ оставалось на тѣхъ, кого она впервые вызвала къ жизни. Кремль XVII вѣка неприкосновенно сохранялъ традиціи императорскаго дворца; и теперь еще, если мы захотимъ вызвать воспоминанія о пышномъ церемоніальнѣ византійскаго двора или возстановить преданія абсолютнаго правленія, византійскаго церковнаго строя, искусной дипломатіи, уяснить себѣ до нѣкоторой степени идею цивилизаторской миссіи и великое дѣло ассимиляціи, которую нѣкогда имперія поставила по отношенію къ варварамъ, то намъ придется обратить взоры къ С.-Петербургу. И современная Греція, хотя она охотнѣе вспоминаетъ славныя имена Маравона и Саламина, также вытекаетъ изъ Византіи и съ воспоминаніями о Византійской имперіи связаны горделивыя мечты и надежды эллинизма. Для греческаго и славянскаго Востока, наслѣдника Византіи, Константинополь вѣчно остается идеальной столицей, а святая Софія будущей митрополіей православія. Въ Аѳинахъ, точно такъ, какъ и въ С.-Петербургѣ, послѣдній Палеологъ, геройски погибшій на бреши своей взятой столицы, является совсѣмъ не отдаленнымъ призракомъ, завершающимъ нѣкій періодъ исторіи, какимъ онъ представляется намъ, а предкомъ, отъ котораго живо въ народѣ, кровь котораго все еще вызываетъ общеніи и, главное, права котораго не могутъ быть уничтожены давностью времени.

Для всѣхъ притязаній, которыя стекаются къ Босфору, византійская исторія доставляетъ санкцію законности; благодаря этому обстоятельству византійская исторія, сама по себѣ, неоспоримо занимаетъ важное мѣсто среди реальныхъ фактовъ времени: въ ней заключается не малое количество тѣхъ господствующихъ идей, которыя, нерѣдко, влекутъ перевѣсъ въ великихъ событіяхъ.

Это превосходно знаютъ на греко-славянскомъ Востокѣ, гдѣ, дѣйствительно, византійская исторія является вступительной главой исторіи національной. Знаютъ это въ университетахъ, гдѣ изученіе Византіи происходитъ съ поразительнымъ рвеніемъ, гдѣ, благодаря ряду открытій, книгъ, разысканій выдающіеся ученые, можно сказать, возродили исторію Византіи въ послѣдніе годы. Знаютъ это и въ народѣ, который благоговѣнно сохраняетъ и недавно еще чествовалъ память великихъ славянскихъ учителей—византійцевъ Кирилла и Меѳодія, которые 1000 лѣтъ тому назадъ доставили племени сознаніе его единства и ввели его въ среду цивилизованныхъ народовъ. Знаютъ это и въ канцеляріяхъ, гдѣ понимаютъ, что изученіе прошлаго является иногда средствомъ подготовки будущаго; не такъ давно еще русское прави-

тельство основало въ Константинополѣ Археологическій Институтъ, что является истиннымъ завоеваніемъ—въ области науки—внеи столицы византійскихъ Цезарей.

IV.

У насъ, французовъ, есть другія основанія интересоваться византійской исторіей; хотя мы въ ней и не такъ заинтересованы, темъ не менѣе она заслуживаетъ и у насъ столь же серьезнаго изученія.

Два съ половиной вѣка тому назадъ во Франціи было положено основаніе наукъ византійской исторіи. Въ 1648 году изъ Королевской типографіи въ Луврѣ вышелъ первый томъ перваго собранія византійскихъ историковъ. Вскорѣ, благодаря дружной совмѣстной работѣ наиболѣе видныхъ филологовъ того времени, благодаря просвѣщенному содѣйствію Людовика XIV и Кольбера, выходя изъ года въ годъ, явились 34 тома in folio этой превосходной ученой коллекціи, которую одинъ современникъ вполне заслуженно назвалъ „несравненнымъ памятникомъ французской щедрости“.

Душою этого великаго предпріятія былъ, въ частности, человекъ, одинъ изъ наиболѣе могучихъ работниковъ, какими гордится наука. Историкъ и филологъ, археологъ, нумизматъ, равно выдающійся во всѣхъ областяхъ, какими занимался,—Дюканжъ положилъ основаніе научному изученію Византіи, и его труды, образцовые по точности критическихъ приѣмовъ и строгости метода, открыли широкіе горизонты въ темной области византійской исторіи.

Можно было бы думать, что послѣ такого человека Франція сохранитъ неоспоримое господство въ этой открытой ею области. Но въ XVIII вѣкѣ случилось иначе. Наиболѣе выдающіеся умы этого вѣка—Монтескье и Вольтеръ—лишь утвердили предразсудокъ, который еще со временъ среднихъ вѣковъ сталъ неразлученъ съ представленіемъ о Византіи или Bas-Empire. Лебо еще болѣе дискредитировали византійскую исторію: онъ ее потопилъ въ морѣ скуки, разлитой во всѣмъ его 30 томахъ, которые онъ посвятилъ изложенію византійской исторіи.

И только въ наше время, какихъ ни-будь 30 лѣтъ, какъ изученіе Византіи, созданное нами и продолженное другими, нашло во Франціи благосклонный приѣмъ. Именно здѣсь, въ Сорбоннѣ, впервые обнаружилось это пробужденіе любознательности, которое привело насъ къ изученію греческой восточной имперіи, и изъ диссертаций, представленныхъ факультету, весьма многія и теперь сохраняютъ свою силу.

Трудъ Рамбо „Константинъ Багрянородный“¹⁾, не устарѣвшій смотря на тридцатилѣтній возрастъ, таковы „Разысканія о христіанской скульптурѣ и живописи на востокѣ“ Байе²⁾, предшествовавшія превосходному сочиненію „Византійское искусство“³⁾, которое въ сжатой формѣ впервые показало могучее разнообразіе и творчество этого забытаго искусства.

Такимъ образомъ, изученіе византійской исторіи получило права гражданства въ ученomъ мѣрѣ. Своими превосходными трудами о Никифорѣ Фокѣ и „Византійской эпопеей“—живымъ и яркимъ воспроизведеніемъ одной изъ наиболѣе славныхъ эпохъ Византійской имперіи, превосходно обставленнымъ изображеніями памятниковъ искусства и цивилизації, Шлюмберже сдѣлалъ забытое имя Византіи знакомымъ для людей неносвященныхъ. Такъ что теперь притягательная этого „таинственнаго и волшебнаго міра“, какъ говорилъ Гюи-де-Лассансъ, распространяется далеко за предѣлы тѣснаго круга ученыхъ. Благодаря Сарду на сценѣ на нашихъ глазахъ возрождаются драматическіе моменты Византійской исторіи въ „Ееодорѣ“, феодальныя Аѳины въ „Гизмондѣ“; вокругъ имени Византіи, впрочемъ легендарнаго, Маскоткаль чудныя мелодіи „Эсклармонды“. Византійскій романъ благодаря Ж. Ломбарду, Гуго-ле-Ру и Поль Адаму вступилъ въ литературу. Даже въ самой литературѣ имя Византіи начинаетъ примѣняться и не въ смыслѣ порицанія. Скоро, дастъ Богъ, если это угодно Сарду и Сарѣ Бернаръ, Византія совсѣмъ войдетъ въ моду: признательность талантливаго писателя, талантъ даровитой артистки, талантъ, болѣе сдѣлають для реабилитаціи среди насъ восточной греческой имперіи, чѣмъ всѣ ученыя книжки.

Обстоятельства, кажется, благопріятствуютъ теперь возобновленію прерванной традиціи нашихъ великихъ ученыхъ XVIII столѣтія, благопріятствуютъ продолженію терпѣливой и трудолюбивой разработки византійской исторіи, которая теперь совершается во Франціи, въ Россіи и Германіи. На этомъ широкомъ полѣ изслѣдованія хватитъ работы всѣхъ желающихъ. На ряду съ историками и лѣтописцами, излагающими политическую и религіозную исторію, бібліотеки и архивы невольно возвращають намъ данныя еще болѣе интересной исторіи, еще едва намѣченной, исторіи учреждений, экономической и соціальной эволюціи, исторіи цивилизації. Даже въ области политической

¹⁾ A. Rambaud, Constantin Porphyrogénète.

²⁾ Bayet, Recherches sur la sculpture et la peinture chretiennes en Orient.

³⁾ Bayet, L'Art byzantin (существуетъ русскій переводъ).

исторіи рядомъ съ немногими разработанными и ярко освѣщенными періодами, сколько найдется отдѣловъ неизслѣдованныхъ, покрытыхъ мракомъ; наконецъ, какъ слабо еще установлены руководящія, которыя опредѣляли ходъ этой исторіи. Даже въ нашей Національной Библіотекѣ масса драгоцѣнныхъ манускриптовъ ждутъ издателя; среди уже изданныхъ текстовъ весьма многіе требуютъ настоящаго критическаго изданія. Въ той же библіотекѣ есть множество собраній почти неизвѣстныхъ, превосходныхъ миниатюръ, которыя представляютъ для историка искусства обширное поле радостныхъ открытій. Для палеографа, филолога, юриста, историка Византіи, столь мало изслѣдованная доставляетъ обширный матеріалъ для интересныхъ розысканій и открытій. Это можетъ найти себѣ подтвержденіе на примѣрѣ Мюнхена, гдѣ благодаря инициативѣ выдающагося ученаго—профессора Крехера—сосредоточилось въ послѣдніе 7 лѣтъ около катедры византинистики и „Византійскаго Временника“ широкое и плодотворное научное движеніе. Нельзя не пожелать, чтобы и на родинѣ Дюканжа въ этой области вдвойнѣ нашей, потому что мы ее начали первыми и послѣдними снова за нее принялись, чтобы мы сумѣли благодаря честнымъ, которыя въ нашей власти,—строгости метода, отчетливому и ясному построенію, живости и яркости изложенія—вновь пріобрѣсти некоторую долю того руководящаго положенія, которое намъ нѣкогда принадлежало.
